

добыть некоторые сведения об Англии и России. Он писал: «... je m'étonnai qu'avec cette grande communication, qu'il y a entre toutes les parties de l'Europe et du monde, par une suite de l'état politique des choses, un François et un Allemand, qui s'adonnent aux sciences et aux arts, ne fussent pas en effet concitoyens, et que la *république des lettres* ne fût qu'une chimère». После этого он и занялся установлением широкой сети контактов между учеными, которая призвана была обеспечить им возможность постоянной взаимной информации.

Лабланшери объявил, что его журнал будет посылаться бесплатно любому лицу, «особенно за границей», которое согласится регулярно поставлять сведения о всех событиях в науке и искусстве своей страны. Он добавил, что эти отчеты не должны содержать каких-либо оценок или критических замечаний и что все они перед опубликованием будут представляться на одобрение посланнику соответствующей страны — «afin de prévenir tout ce qui pourroit blesser les vues du gouvernement qu'il représente». В каждом выпуске «Nouvelles» печаталось несколько таких отчетов, поступавших в основном из Англии, Германии, Нидерландов, Испании и Италии. Относительно корреспондентов Лабланшери почти никаких сведений нет. Более того, мы не можем даже утверждать, что отчеты, поступавшие регулярно из какой-то одной страны, принадлежали перу одного и того же человека.

Первая русская корреспонденция была напечатана в выпуске от 13 июля 1779 г., и в течение последующих восьми лет появилось по крайней мере еще два десятка сообщений о России. В определенные периоды, точнее — на протяжении 1783 г. и зимой 1785—1786 гг., они были особенно частыми и публиковались почти ежемесячно. Интересно отметить, что Лабланшери отводил сообщениям из России в своем журнале самое почетное место — ими, как правило, начиналась первая страница.

Неизвестно, кто был русским корреспондентом Лабланшери. Из письма Фонвизина к сестре от 30 апреля 1778 г. мы знаем, что Лабланшери предложил ему взять эту обязанность на себя; однако маловероятно, что какие-либо из этих отчетов написаны Фонвизиним. Прежде всего, в отличие от сообщений из других стран, ни одна из дошедших до нас корреспонденций не касается собственно литературы. О характере автора можно судить хотя бы по тому, что четырнадцать сообщений из двадцати одного связаны с деятельностью Российской Академии наук и новой императорской Российской Академии.

Русские материалы в журнале Лабланшери не исчерпывались корреспонденцией, поступавшей из Петербурга. Время от времени на его страницах фигурировали русские, жившие на Западе, — например, князь Дмитрий Голицын, бывший в то время русским посланником в Голландии, или граф Андрей Шувалов, чье «Послание к Нинон де Ланкло» («*Épître à Ninon de l'Enclos*») одно время приписывалось Вольтеру. Упоминались также приезжие